

Герман Шелков

Злые люди

и как они расплачиваются
за свое зло

Герман Шелков

**Злые люди и как они
расплачиваются за свое зло**

2017

УДК 821.161. 1-32 Шелков
ББК 84(2 Рос=Рус) 6-44

Шелков Г.

Злые люди и как они расплачиваются за свое зло /
Г. Шелков — 2017

ISBN 978-5-902845-26-3

Кто не встречал в жизни злых людей? Пожалуй, все встречали. Люди одержимые злостью мешают нам жить, мы страдаем от их присутствия и считаем их нашей общей бедой. Но расплачиваются ли они за свое зло? Приходится ли им отвечать за свои поступки? В этой книге вы прочтете истории о том, какое возмездие настигает злых людей на их жизненном пути.

УДК 821.161. 1-32 Шелков
ББК 84(2 Рос=Рус) 6-44

ISBN 978-5-902845-26-3

© Шелков Г., 2017

Содержание

Предисловие	6
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Герман Шелков

Злые люди и как они расплачиваются за свое зло

© Герман Шелков, 2017

© Издательство Телеграф, 2017

© Оформление, Борис Прохин, 2017

© Верстка, Валерий Невский, 2017

Предисловие

Мои знакомые отправились на две недели в туристический поход. Набили рюкзаки, взяли детей, двух домашних собак и веселой компанией поехали за леса и поля в какое-то чудесное место. Уезжая, они сказали мне: «Как жаль, что всего две недели! Нам и двух месяцев было бы мало, потому что мы настоящие «бродяги», любим природу, обожаем свежий воздух и песни у костра!»

Вернулись они раньше – всего через три дня. На их лицах я увидел растерянность и разочарование. Дети притихли и о чем-то задумались, и даже собаки, казалось, были удручены.

В походе с ними что-то случилось.

Выяснилось, что им встретился злой человек. Он вел себя ужасно: кривлялся, лез драться, кричал и сквернословил. И все было испорчено. В первую очередь, хорошее настроение.

Я спросил знакомых: «Разве нельзя было повернуться и уйти?»

Они ответили, что злой человек не возник на дороге и не выскочил из леса, а находился в той туристической группе, с которой им предстояло следовать вместе. Две группы для того и объединились. Это была их цель. То есть злым человеком оказался турист, любитель природы, свежего воздуха и песен у костра.

Меня это сначала удивило, но потом я подумал, что злые люди попадаются везде, даже вот и в туристическом походе. Можно ли знать заранее, что они появятся там, где их не ждешь?

Знакомые это подтвердили: никто из туристов не знал, что среди них окажется злой человек. Он был новичок.

«Негодяй! – сказали эти расстроенные люди. – Испортил нам отпуск! Ну, ничего, рано или поздно он ответит за свое зло. Мы верим в справедливость. Однажды его настигнет возмездие, соразмерное его поступкам!»

Я стал размышлять: «Любопытно, чем расплачиваются злые люди за свои нехорошие дела? Получают ли они по заслугам, как принято говорить в народе?»

После этого я решил, что следует написать о злых людях книгу. О том, какое наказание обрушивается на них за причиненное зло.

Как всегда, я отправился спросить у простых людей – известно ли им что-нибудь об этом.

Оказалось, что известно, да еще как! Зло не остается безнаказанным.

Вот какие истории мне рассказали в подтверждение этому.

Герман Шелков

* * *

Анна Ге-нко, 1977 года рождения: «Злого человека я впервые увидела будучи ребенком, в десять лет. Это был злой мальчик четырнадцати лет. Нехороший подросток. Он жил в нашем подъезде, тремя этажами выше. Мы переселились в этот дом недавно, а он уже там проживал. Я узнала, что он злой, когда наша соседка тетя Маша уронила на площадке первого этажа кулек с сахаром, и тот лопнул. Тетя Маша сказала: «Эх, гадость какая!» Она была расстроена тем, что кульков у нее было три и все три выпали из руки, но лопнул именно тот, что был с сахаром. В другом находились апельсины, в третьем – фигурные галеты, но рас-

сыпалось именно сыпучее. По закону подлости. На полу оказалось именно то, что собирать было бессмысленно, и женщина очень расстроилась.

В эту минуту злой мальчик спустился по лестнице. Он все видел.

Он стал громко смеяться и кривляться.

Речь, которую он произнес, была ужасная: «Что, старуха, руки кривые? Или пьяная? Или сошла с ума? А ну, давай, встань на четвереньки и ешь свой сахар. Тебе это пойдет. Эх, что ж такое? Какая только дрянь не живет в нашем доме!»

Тетя Маша работала в районной поликлинике. Она была женщина хорошая, добрая. Ей было лет сорок, то есть она еще не достигла старости, а злой мальчик обозвал ее старухой. И говорил ей «ты», показывая тем самым самое ужасное неуважение.

Он открыто издевался над ней. И она стала говорить ему: «Как тебе не стыдно! Ты позоришь и себя, и своих родителей! Разве можно так разговаривать со взрослыми?»

Услышав это, злой мальчик вышел из себя и вдруг выхватил нож и стал им размахивать. Это было и страшно, и неожиданно.

Он размахивал ножом и пыхтел от злобы. И сказал: «Только еще раз попробуй мне возразить, стерва! Я тебя проучу!»

Тетя Маша испугалась и скрылась в своей квартире. Почему она не обратилась в милицию, я не знаю. Наверное, она пожалела родителей злого мальчика. Она их хорошо знала.

Этого злого мальчика многие боялись. Он своими выходками наводил ужас.

Его часто забирали в милицию, но всегда отпускали. И он ходил по двору довольный, ухмылялся и гримасничал.

Во дворе его боялись все дети, все подростки и юноши-студенты и даже некоторые взрослые мужчины.

Злой мальчик вел себя очень нахально. Он был несдержанным хамом, негодяем и низкой личностью. Он подчинил себе всех своих ровесников, а уж тех, кто был младше, он сделал просто-таки своими слугами.

Он переходил улицу так, словно по ней двигались игрушечные пластмассовые автомобили, не способные причинить никакого вреда. Очень дерзко переходил улицу – когда вздумается и в каком угодно месте. И водители сильно нервничали. Визжали тормоза, слышались проклятья. Иногда кто-нибудь выскакивал из своей машины и бросался к злому мальчику, чтобы его наказать, а ему как будто именно это и было нужно. Он кривил лицо, выхватывал нож и орал: «А ну, подходи, сволочь! Давай, кидайся, я тебя сейчас порежу!» И, бывало, сам кидался на водителей, а те в страхе убегали.

Так продолжалось, пока ему не исполнилось пятнадцать лет.

В пятнадцать лет все это прекратилось, потому что злой мальчик очень изменился. Но изменился он не по своей воле, а в результате одного случая.

Свидетелями этого происшествия, говорят, были только два человека, то есть лишь двое что-то слышали и видели. Одна бабуся, которая проживала на первом этаже, стояла у окна и все видела. А также еще одна пожилая женщина, которая находилась в этот момент на балконе второго этажа. Она тоже кое-что заметила.

Это было утром в воскресенье. Злой мальчик вышел из подъезда, остановился и закурил. Он курил с двенадцати лет, и его папа и мама ничего не могли с этим поделать. Он дымил, где только ему вздумается, и швырял окурки в самых неподходящих местах. И еще он имел привычку во время курения плевать под ноги и в сторону.

И вот он стоял у подъезда, курил и плевал. Наверное, он раздумывал, куда ему пойти.

Вдруг появился незнакомый человек, мужчина лет тридцати, и спросил злого мальчика: «Это какой дом? Какой у него номер?»

Злого мальчика это почему-то взбесило. И он сказал: «Ты что, баран, не видишь, что тут написано?» Он имел в виду, что номер дома выведен краской на стене.

Впоследствии этого незнакомца искали, но не нашли. Потому что он совершил преступление. Его искала милиция. Но он, видимо, был приезжий и покинул город. Или, быть может, он проживал в другом районе и даже не знал, что его ищут.

Больше никто и никогда не видел этого человека возле нашего дома.

Обе свидетельницы описывали его одними и теми же словами: «Молодой, лет тридцати, крепкий, среднего роста, лицо круглое, задумчивое и недоброе».

Бабуся, которая стояла у окна в своей кухне, слышала, что он сказал, этот незнакомый человек. Он сказал: «Что-что-что?»

После этого незнакомец резко ударил кулаком злого мальчика в лицо. Ударил всего один раз. И после этого ушел.

Злой мальчик остался лежать перед домом. Бабуся с первого этажа смотрела на него из окна. А другая свидетельница глядела с балкона. И обе они забеспокоились и поспешили выйти к лежащему, потому что он не шевелился. Они позвонили на станцию скорой помощи. И злого мальчика увезли в больницу.

Он лежал в бесспамятстве неделю напролет, а когда пришел в себя, ничего не мог вспомнить. Когда его спрашивали, что случилось, он ничего не мог рассказать. Он был очень слаб. У него кружилась голова. Бедняжка не мог принимать пищу.

В больнице он пробыл месяц и еще две недели. Потом его забрали родители и привезли домой. Надели на него мягкую фланелевую рубашку. Надели такие же мягкие брюки. На ноги – сандалии. Держа за руку выводили во двор. Сажали его на лавку. И он там сидел, глядя под ноги или перед собой. Ни с кем не разговаривал. Бедный и бледный мальчик.

Он стал тихим, беспомощным, безобидным подростком. Его ровесники и те дети, которых он когда-то превратил в слуг, подходили к нему, бросали в него мусор, плевали ему на голову, насмехались над ним, а он их боялся и закрывал лицо руками.

Его папе и маме видеть это было невыносимо. И они увезли сына в деревню.

Рассказывали, что там он через год в ненастную погоду испугался грозы, побежал к реке, упал в воду и утонул.

А может быть, и не было этого. Может быть, про грозу придумали какие-то люди, которым хотелось, чтобы так было.

Во всяком случае, один злой человек повстречал другого злого человека, и вот что из этого вышло».

* * *

Николай Ер-ков, 1974 года рождения: «Один очень злой паренек жил в нашем дворе, в доме напротив. Он был старше меня на три года. Злобы в нем было как воды в озере. Он каким-то образом впитал все плохое, что есть в жизни. Он хамил и сквернословил, плевал куда вздумается, бросался на людей, затевал драки, а когда дрался, хватал с земли палки, булыжники, бутылки и все это пускал в ход, лишь бы одержать победу.

Он был весь в шрамах, в порезах. У него было надорвано ухо.

Его не просто сторонились и пугались, а боялись даже думать о нем. Даже крепкие, рослые мужчины избегали попадаться ему на глаза.

Его звали Анатолий П. Но он предпочитал, чтобы его называли Толиком.

Когда ему было двенадцать лет, он держал в страхе весь наш двор, а достигнув пятнадцати лет, подчинил себе и другие дворы в нашем районе. Можно сказать, что он был самый сильный подросток на территории, охватывающей пять улиц. Он был самый дерзкий и решительный. И очень-очень злой. Бешеный.

Ему ни в чем нельзя было прекословить. Попробуй возразить ему в чем-либо – и он сразу приходит в ярость, замахивается, хватает за воротник, за шею, и ему все равно, кто

перед ним – человек малых лет или взрослый. На взрослых он бросался с камнями и палками, и, бывало, взрослые люди получали такой отпор, что после этого у них дрожали руки.

А у Толика ничего не дрожало. Он казался твердым и бесстрашным.

Волосы у него на голове были жесткие, как проволока, кожа желтоватая, с пятнами. Пальцы сильные и цепкие. Роста он был среднего.

Уже в двенадцать лет он собрал вокруг себя ватагу мальчишек и повелевал ими. Посылал их воровать печенье и другую еду в магазине, заставлял выпрашивать мелочь у прохожих. За любую провинность наказывал, не откладывая, бил по лицу, хватал за волосы и швырял на землю. И мальчишки его боялись порой до заикания.

А в пятнадцать лет он сделался словно правителем подросткового мира – регулировал все отношения между несовершеннолетними, судил и преследовал. Отбирал деньги, вещи. Кого-то приближал к себе, а кого-то удалял.

Отцовский гараж на пустыре был у него штаб-квартирой. Когда-то в гараже стоял мотоцикл с коляской, потом гараж пустовал. Толик его занял, принес туда большое кресло, кушетку, распивал там спиртное, играл на гитаре. Там же, при нем, находилась и его ватага.

Учился ли он в школе, как прочие подростки? Из нашей школы его выгнали после пятого класса за систематическое нарушение дисциплины. Он угодил в интернат, но отчего-то, по неизвестной причине, его чаще можно было увидеть во дворе, чем в этом интернате. Он безнаказанно оттуда сбегал, прогуливал занятия. Почему его не ловили и не доставляли обратно – никто не знает.

В шестнадцать лет он ограбил двух прохожих, двух военных, избил их, и они не смогли за себя постоять. Одному из них он проломил голову булыжником, а другого отходил палкой. Офицеры только кричали и стонали, но ничего не могли сделать.

Толика арестовали, судили и отправили в тюрьму. Он вернулся через четыре года, когда ему исполнилось двадцать лет. Я заканчивал школу, сдавал выпускные экзамены. Помню, что когда Толик снова появился в нашем дворе, я в этот день сдавал экзамен по английскому языку.

Я шел домой и повстречал знакомых парней из соседнего двора, учащихся ПТУ. Они сказали: «Слышал? Видал? Толик вернулся! Сидит в вашем дворе на лавке, курит и потягивает пиво. Но с ним что-то не то... Он какой-то задумчивый и мрачный. Худой, как спичка. В общем, он изменился».

Мы пошли взглянуть на Толика, потому что умирали от любопытства.

Толик сидел на лавке не похожий на себя. Истощенный. Сутулый. Однако его лицо по-прежнему было лицом злого человека. Брови как всегда сдвинуты к переносице.

Он часто подкашливал.

Мы вышли к нему поздороваться, и он был этому как будто рад. «Ну что, сорванцы? – спросил он. – Как жизнь молодецкая свищет? Обычно, как у кретинов?»

Мы сказали, что сдаем экзамены.

И тут я увидел на лице Толика большую досаду. Он о чем-то сильно тужил. Впрочем, спрашивать его об этом было немыслимо – никто из нас не забыл его бешеной натуры и умения быть до конца безжалостным. И я, и другие, мы могли только ждать, когда Толик сам расскажет, что с ним случилось.

И он сказал: «Эх, черт возьми! У меня туберкулез. Вот ведь угораздило подхватить заразу!»

Мы были немало удивлены. Нас удивило, что этот человек уязвим, что он может быть больным и изможденным.

Мы еще не знали, что это конец Анатолия П. Двадцать лет – вот и вся его жизнь.

Никто из нас никогда не рассуждал о коварных, смертельных болезнях. Мы мало слышали о туберкулезе и вообще не задумывались, отчего в нынешнее время можно умереть.

Толик допил пиво и пошел домой, в свою квартиру на первом этаже.

Все лето окно его комнаты было распахнуто, и мы могли его видеть. Иногда он сидел на подоконнике, иногда ходил из угла в угол, а бывало, торчал посреди комнаты, как палка. Он умирал. Но мы об этом даже не догадывались. Мы думали, что с ним всего лишь приключилась какая-то напасть, которую он однажды одолеет. Мы все в свое время болели ангиной и вылечились. Мы болели гриппом и поправились. Кто-то болел скарлатиной и сейчас гоняет мяч на футбольном поле. Чем Толик хуже?

Он прожил лето и осень, а в середине зимы умер. Ему не исполнилось и двадцати одного года.

Его вынесли в гробу и поставили гроб на лавку у подъезда. Мы пришли на него взглянуть. И все, кто знали этого человека, подумали, что это кто-то другой.

Мы увидели восковую куклу с таким худым лицом, что казалось, кожа натянута на кости.

Вот и все, что осталось от когда-то злого, безжалостного паренька, держащего в страхе нашу округу.

Еще недавно, летом, он выглядывал в окно и, заметив кого-нибудь из нас, подзывал свистом и посылал в магазин за пивом. Мы ходили. Приносили пиво, табак, семечки. Осенью Толик уже не свистел в окно. И мы думали, что он идет на поправку. Мы ошибались. Мы не знали, что ему уже не до пива и семечек.

Гроб накрыли крышкой, подняли, поставили в бортовую машину и увезли. На кладбище никто из нас не поехал. Поехала только мать Толика и двое неизвестных нам людей.

Бабушки покачали головами и разошлись. Две из них проживали в моем подъезде, на моей лестничной площадке. И одна сказала другой: «Плохой был паренек, злой, дьявольский. Вот дьявол его и прибрал. А как же иначе? Так всегда было и будет. Что посеешь, то и пожнешь. Да!»

* * *

Ольга Руза-ва, 1970 года рождения: «На нашей улице в поселке жила одна семья, в которой было три брата и три сестры. Шесть детей. Все темно-русые, кроме одного, Алеши Н., самого красивого из всех. Он был белокурый, блондин. Действительно, очень красивый мальчик. Но очень злой!

С детства он бил кошек и собак, швырял камни в птиц и лягушек в пруду. И всегда затем, чтобы убить. Если птице или лягушке удавалось увернуться, Алеша приходил в ярость. Ему нужно было видеть их смерть. Он топал ногами. Орал на других мальчиков. И когда он злился, то каждый раз плевался. Вот почему? До сих пор непонятно, откуда в нем было столько злости.

Смеялся он всегда злобно и некрасиво. Такой симпатичный – и такой негодяй! Никто ничего не мог с ним поделать.

Его просили, и все без толку, упрасивали – и бесполезно. Грозили, пугали, стыдили, а ему все равно. Он стремился так провести время, чтобы кто-то страдал, мучился, нервничал, чтобы были слезы, крики, потери. Ни красивые облака в небе, ни яркие цветы, ни запахи из фруктового сада его не волновали, как и все остальное, что доставляет радость и удовольствие обычным людям. Это был человек, родившийся причинять вред. Пожалуй, это самое верное определение в отношении Алеши. Вредить он умел лучше всех.

Он любил высмеять и оскорбить. Попасться ему на глаза означало, что сейчас ты услышишь о себе какую-нибудь гадость. Чаще всего это касалось внешнего вида – одежды, обуви, прически или физических особенностей – походки, дефектов речи, формы носа.

Помню, что мой брат, когда ему было четырнадцать лет, носил пальто, доставшееся от двоюродного брата. Обычное серое пальто с темными пуговицами. Разумеется, оно было не новое, но вполне сносное на вид, годное. Но сколько моему братцу пришлось выслушать скверных слов от злобного Алеши! «Что за драный тулуп, дружище? – орал на всю улицу Алеша. – Ты что, сдурел? Где ты это взял? Раскопал могилу, снял с покойника?»

Мой брат Саша не был храбрецом-острословом, мгновенно реагировать не умел. Поэтому он сильно смущался, краснел. Приходил домой, снимал пальто и швырял его в угол. Говорил нашей мамочке, что больше эту вещь не наденет. И мы его убеждали, что дело не в пальто, оно ни при чем. Вещь как вещь, такая же, как у всех. Дело в Алеше, в этом злом, ничтожном человеке. Нужно дать ему отпор... Отпор!

Саша усмехался и мотал головой. Насчет отпора – это можно, вот только кто первый? Алеша не простой паренек с нашей улицы, а жестокий, бешеный, дикий. Решительный. Что ему стоит выхватить нож? Или схватить железный прут? Или палку? И останешься калекой!

Так говорил мой брат, и мы его понимали. Потому что все это было правдой.

Дать отпор Алеше никто не решался, поскольку он действительно мог искалечить. Все помнили случай, когда он набросился с черенком от лопаты на парня старше себя на пять лет. Ему было четырнадцать, а тому, с кем он подрался, девятнадцать. Казалось бы, это не только приличная разница в возрасте, а еще и превосходство в физической силе. Но все вышло не так, как должно было выйти. Все потекло иначе. И это было очень жестоко.

Через три дома от нас жили дядя Коля и тетя Оля С., работники хлебозавода, и вот однажды их сын, которого год назад призвали на службу в армии, приехал в отпуск из воинской части. Лето только началось. Стояли теплые дни. Алеша, как и другие подростки, большую часть времени проводил на улице. В тот день он сидел на заборе, бездельничал, швырял камни в кошек и в птиц, курил. Рядом с ним околачивались его верные приятели, которые, по сути, и приятелями-то не были, а из-за страха покорились ему и всячески прислуживали. И вот на улицу вышел сын дяди Коли и тети Оли С., Михаил. Приехал ночью, на поезде. И его еще никто, кроме родителей, не видел.

Он вышел в военной форме. Ботинки тщательно начищены, на голове фуражка, а на груди блестят значки.

Вероятно, он хотел, чтобы люди на него посмотрели, на то, как он окреп и возмужал, и на все прочее. Ведь он действительно изменился в лучшую сторону.

Михаил увидел Алешу и его приятелей и помахал им рукой. Подошел к ним и сказал: «Ну что, пареньки, об армии думаете? Ничего, время пролетит быстро, и вы тоже станете солдатами. Но надо уже сейчас готовиться, потому что в армии нелегко!»

Это были обычные слова, которые произносят, наверное, все солдаты перед допризывниками. Но то, что Миша услышал в ответ, было совсем необычно...

Алеша вдруг заорал: «Ох, ничего себе! Всякий дурак будет меня учить! Ты что это, сволочь, на свою телогрейку нацепил? Что за чепуха? Из консервной банки вырезал? Или у малышей на леденцы выменял?»

Миша был в парадном кителе, а не в телогрейке. И на кителе у него были солдатские значки, а не какая-то чепуха. Но не только это оскорбило его, а вообще поведение Алеши. Он скривился, побледнел. Сжал кулаки.

«А ну, слезай с забора, – сказал он Алеше. – Я тебе сейчас покажу, мерзавцу, консервную банку!»

Этому Михаилу сначала нужно было подумать, как действовать. Он должен был хотя бы представить, кто перед ним, вспомнить, если забыл. Ведь Алеша стоял за пределами обыкновенных человеческих отношений. То есть он никогда не рассуждал, что позволено, а что нет. Он впадал в бешеную ярость и бросался на обидчика, и мог избить даже зрелого мужчину, не то что девятнадцатилетнего солдата. Впрочем, Михаил, наверное, вообра-

зил, что армейская служба сделала его сильным, что он нарастил кулаки, научился приемам самбо или чему-то подобному, и потому выйдет победителем. Как он заблуждался!

На земле валялась лопата, и Алеша, спрыгнув с забора, схватил ее и так сильно ударил по забору – для устрашения, что в руках у него остался лишь черенок, а железяка отвалилась.

С этим черенком он набросился на Михаила и до того избил его, что тот лежал на земле и стонал, а подняться не мог.

Алеша, наклонившись над ним, схватил его за волосы и заорал: «Ну что, погрустнел, солдатик? Кто тебе разрешил, сволочь, выпячиваться? Сидел бы дома, сосал бы сушку, и, глядишь, проскочил бы!»

Никто не мог сказать, откуда в этом человеке столько ярости и злобы и почему доброта ему ненавистна. Не было в нашем поселке людей, которые могли объяснить характер Алеша. Говорили только, что он последняя гадина. Называли негодем и подонком. И все его боялись. Еще бы: может покалечить, свернуть нос, переломать руки, вышибить зубы. И Алеша знал это и ухмылялся. И ему каким-то образом везло. Вот странно! Все его ужасные выходки не имели для него ужасных последствий. Его, например, никто не пытался засудить. Не удивительно ли это?

Наверное, все понимали, что эти страшные пороки у него врожденные. Впрочем, что из того? Если бы люди поступали с ним так же, как он, то есть – никому никаких уступок, он давно бы уже оказался в тюрьме. Но этого не было. Даже Михаил, угодив в больницу с переломами рук, грудной клетки и ключиц и не сумев по этой причине вовремя вернуться из отпуска в воинскую часть, не стал судиться. Провалился в больнице какое-то время, выписался и уехал, а когда отслужил положенный срок, назад в поселок не вернулся. И много лет его не видели.

Алеша чуть ли не каждый день встречал отца и мать Михаила, и те смотрели на него с ненавистью, но ему было это безразлично. Он даже собственных родителей не почитал, грубил им, хамил и угрожал. И они от него приходили в ужас. Сколько помню, эти люди никогда не ходили со своим сыном вместе, а лишь отдельно.

Моя тетя, Вера Ивановна, столкнулась однажды с Алешей в магазине. Он явился со своей ватагой купить сигарет, а тетя покупала растительное масло. Она уже расплатилась, когда Алеша подошел к прилавку и бросил на него деньги. Эта привычка – швырять бумажные деньги – была у Алеша с детства, и многим взрослым людям она не нравилась. Но мало кто мог возразить, а тетя вдруг решилась. «Ишь, как швыряешь! – воскликнула она. – А ведь еще не зарабатываешь, только родители твои зарабатывают».

Алеша сказал: «Тебе-то что, старая курица?»

Тетя ответила: «Не груби, мальчик». И вышла из магазина. Отправилась домой, по дороге зашла к нам, и я в этот момент была дома. Тетя рассказала, как Алеша ее оскорбил, но я увидела, что она спокойна, будто ничего не случилось. Я спросила тетю, почему она не волнуется. «Разве тебе не обидно? – сказала я. – Этот негодяй Алешка всем грубит, всем хамит, и даже вот женщинам. Когда это закончится?» И вдруг тетя произнесла речь: «Этот мальчик обречен. Уже сейчас ясно и понятно, что с ним произойдет. Беда, вот что. Потому что он к ней стремится. Если одни люди хотят для себя счастья, то этот человек хочет себе горя. Ну, а раз так, то горе и придет. Безобразно поступающего человека ждет безобразный конец! А иначе не бывает. Это очень-очень редкий случай, когда кто-то манит к себе плохое, а оно все не приходит и не приходит».

Тетя была мудрая женщина, но ее слова показались мне глупостью. Ведь я тоже жила в поселке и хорошо знала, что у нас происходит. Наши мужчины ведут себя странно в отношении Алеша, среди них есть здоровенные, с виду бесстрашные силачи, однако даже они не берутся с ним тягаться. Почему?

Люди боятся за свое здоровье. Мужчины не хотят увечий и переломов, берегут зубы, а больше этого берегут репутацию. А еще они думают, наверное, что Алеша может зайти слишком далеко – может убить.

Мне показалось, что тетя произнесла свою речь, не подумав. Что значит – Алеша обречен? Почему же он до сих пор здоров и невредим, ходит себе и ухмыляется, и за все плохое его никто ни разу даже не щелкнул по носу?

Как всякий нормальный человек, я хотела бы видеть возмездие, поскольку мы, обычные люди, предпочитаем видеть наказание за преступление. На этом стоит наше понимание справедливости.

Но до сих пор я вижу, что этого нет. Наоборот, Алеше почему-то везет. Ничто ему не угрожает, никто на него не бросается, не преследует. Это создает впечатление неопределенности положения: будет ли зло наказано, непонятно. Нехорошее впечатление.

Все это я сказала тете, и она ответила: «Нет, Олечка, это не так. Алешу ждет ужасный конец, и жизнь он проживет короткую. Потому что он притягивает к себе зло. А зло бывает разное, и бывает такой величины, что слопают этого мальчика с потрохами, и нет его!»

Спорили мы с тетей около часа. Потом стали говорить о другом и забыли про Алешу. Но тетины слова я запомнила. Алеше тогда было почти семнадцать лет. В следующем году ему полагалось отправляться на военную службу, а там дисциплина, командиры, и если им не подчиниться, то осудят и отправят в тюрьму. Мне было любопытно: сразу ли Алешу арестуют и посадят за решетку или он какое-то время будет слушаться командиров. Ведь он бешено строптивый, а в войсках таких людей не держат, а держат их в тюрьме.

Но Алеша вообще не пожелал служить в армии. Взял и уехал из поселка. Махнул рукой на закон и поступил по собственному усмотрению.

Наш поселок стал жить без Алеши. Был негодай – и куда-то подался. Никто о нем ничего не слышал. Его родители, а также братья и сестры отвечали одно и то же: «Ничего не знаем. Где он сейчас – неизвестно».

Прошло девять лет. Наш поселок изменился: появились новые люди и новые дома. Появились состоятельные жители, которые купили себе сразу несколько домов. Зато многие из местных уехали из наших мест кто куда. Одни переселились в город, другие предпочли отправиться в дальние края, даже за границу. Алешина семья тоже распрощалась с поселком, продали все, что можно, и уехали. В их доме поселился какой-то горожанин, дачник. Он и его жена приезжали только на лето. Возились на огороде, ходили на реку, в лес. Варили варенье.

Поначалу это было для нас удивительно: идешь по улице, а навстречу незнакомцы. Не здороваются и даже не смотрят. То же и в магазинах. Иногда казалось, что поселок не родной, а чужой, но потом мы привыкли и смирились. Некоторые из приезжих сильно отличались от нас, местных. Один такой дядя употреблял слова «отнюдь» и «несомненно», которые в нашем поселке никому бы не пришли в голову и не попали на язык. Все мы изыскались куда проще, однако, я думаю, нас это не портило.

Я осталась жить в поселке с мужем и детьми. Мой муж из местных. Когда я выходила за него, он предложил уехать, но я сказала: «Уехать мы всегда успеем. Не будем торопиться. Пока у нас здесь есть работа и дом, поживем, а там увидим». Действительно, перебраться в город мы могли в любое время, хоть в разгар зимы, когда сугробы и метели, то есть когда продавать дом и прочее имущество невыгодно. Зимой цена на дома всегда ниже. Но если бы мы захотели, то не посмотрели бы и на это. Мы с мужем всегда действуем заодно, разногласия у нас редкость. Я хочу сказать, что мне повезло с мужчиной, и я радуюсь и по сей день. Мы оба из тех людей, которым много не нужно, жизнь для нас в удовольствие и без богатства. И хорошо, когда так. Мы даже умеем не завидовать. Хотя в нашем поселке, к слову сказать, прямо на нашей улице поселились обеспеченные люди, горожане. Приехали, чтобы приобрести «загородные владения». Купили сразу три дома, перестроили их, разбили

газоны, лужайки. Среди них был молодой мужчина весьма привлекательной наружности, белокурый, блондин. И я как-то раз, разглядев его хорошенько, сказала мужу: «Смотри-ка, он похож на Алешу Н. Не вылитый Алеша, но сходство все же имеется». Муж сказал: «Верно. Только этот человек вежливый, воспитанный, а Алеша был хам, негодяй. Стоило ему выйти на улицу, как он уже кричал кому-нибудь: «Эй, чучело! Ты где такой пиджак взял? От прадеда остался? Или свинью наизнанку вывернул и надел?» Подлый был парень. Мерзавец. Где он теперь?» Я ответила: «Кто знает».

После этого я стала чаще вспоминать Алешу. Что с ним случилось? Моя тетя говорила, что такие люди притягивают зло. Манят к себе все плохое. Так ли это? Я хотела бы знать, настигла ли Алешу кара за его подлость, но о нем не было никаких сведений, даже самого короткого сообщения, в одно слово, например, «умер» или «в тюрьме». И вот однажды произошло удивительное событие: в одном из нищих бродяг, которые появились в нашем поселке, я узнала этого человека.

Двое отвратительных бездомных неожиданно появились возле нашего дома в обычный полдень, посреди недели. Это было весной. Снег уже сошел, но теплые дни еще не наступили. И оба они тряслись от холода – худые, изможденные, невероятно опустившиеся люди. Я смотрела на них в окно и думала: «Чего им здесь нужно?» Потом мне пришло в голову, что они высматривают хозяев, чтобы попросить еды или денег. Я вышла во двор, поглядела на них поверх забора. И вдруг один из них обратился ко мне: «Хозяюшка, подай хлеба!» Я была готова к этому и вернулась в дом. Взяла хлеба, нарезала сала, налила в бутылку горячего чая с сахаром, прихватила еще несколько вареных яиц. Когда я отдала еду, то внимательно разглядела бродягу, который ко мне обратился. Боже мой! До чего жестоко может обойтись судьба с человеком! Он был изуродован: часть подбородка снесена, ухо разорвано, глаз вытек... Во рту почти нет зубов. Руки искалечены. Он был одет в такое нищенское тряпье, что оно не сгодилося бы даже для огородного чучела. Но спрашивать таких людей о чем-либо личном, конечно, не стоит. Расспрашивать их о причинах, приведших к такому падению, не годится. И я, поэтому, молча повернулась, чтобы уйти. И тут бродяга спросил: «Скажите, пожалуйста, а где семья Н.? Они жили вон в том доме. А теперь их нет. Там другие люди. Они что, уехали?» Я сказала: «Уехали три года назад. Адреса не оставили. Где они сейчас, не знаю».

Голос бродяги показался мне знакомым. И я снова поглядела на него. И уж не знаю как, но я догадалась, кто этот человек. Алеша Н.! Опустившийся нищий, смрадный бездомный – это наш бывший сосед по улице, жестокий негодяй Алешка. Я растерялась. Алеша в моей памяти остался совсем другим. Люди, ненавидящие его, говорили, что он мерзавец, и так и было, однако он никогда не терял своей привлекательности. К неряшливости тоже не стремился. Наоборот, был чистюля. Его кожа от природы имела красивый карамельный оттенок. Пальцы у него были длинные и аристократически изящные. Идеальной формы ногти. А теперь...

Теперь Алеша выглядел настолько безобразно, что редко встретишь такого человека. Все, чем он когда-то гордился, было искажено. Нос сломан, на переносице глубокая борозда. На лбу какие-то лиловые шишки, выбоины. От красивых волос не осталось и намека: почти голый череп, вместо прядей из-под шапки выглядывает какая-то парша, экзема.

У меня создалось впечатление, что Алеша пережил жестокую катастрофу, автомобильную или железнодорожную. Как порой говорят, угодил в мясорубку. Так или иначе, он явно пострадал из-за какого-то ужасного несчастного случая. Как же можно так повредиться? Но чтобы узнать об этом, нужно было его расспросить. А чтобы расспросить, необходимо было сначала сообщить ему, что его узнали. Но я колебалась. Я раздумывала. С одной стороны, мне было очень любопытно узнать, что такое с ним приключилось, а с другой, я боялась привлечь внимание пакостного бродяги. Но когда я на мгновение вспомнила о моей тете, с которой я должна была увидеться на следующий день, то взяла и решилась.

Я набрала в легкие воздуху и спросила: «Ты Алеша Н.?»

Алеша ответил сразу же: «Да, это я». Казалось, что он ждал этого и потому ничуть не удивился. Зато каково было мое удивление! Он говорил теперь совсем другим тоном. Тонем просящего, извиняющегося человека. Сказал, что пришел потому, что надеялся застать родных – отца, мать, братьев и сестер, и никак не думал, что все они до одного уехали.

Мы разговаривали через забор, он у нас был невысокий. Алеша глядел на меня своим единственным глазом, а я – распахнув глаза. Я зачем-то спросила: «Где же ты живешь?» На что Алеша ответил просто: «Нигде». Лицо его выражало не уныние и не страх, а не проходящую боль, глубокое поражение, окончательный разгром. Мне так показалось. Что еще, кроме муки, может выражать изувеченное лицо? Одно страдание. И вот из-за этого я больше не решила ни о чем спрашивать. А весенний воздух был холодный. Дул ветер. Другой бродяга окоченел от стояния на одном месте и сказал Алеше: «Ну, пойдем что ли?» Они пошли по улице и скрылись из виду. Я вернулась в дом, взялась за домашние дела, но оставила их. Стала ходить из угла в угол и думать об Алеше. Я была потрясена, как еще никогда в жизни. Мне еще ни разу не приходилось так удивляться. Наконец я поняла, что мне нужно об этом кому-нибудь рассказать, в первую очередь тете. Дома я была одна. Меня ждала гладка, затем я должна была сварить щи, но я собралась и ушла.

От волнения я не могла сидеть и рассказывала об Алеше стоя. А тетя сидела за столом и пила чай. Она держалась очень спокойно. Можно было подумать, что она раньше меня узнала в бродяге бывшего местного хулигана и негодяя. Из-за волнения мой рассказ не был богат красками. Я лишь повторяла: «Бродяга! Нищий!» и «Изуродованный калека!» Ведь Алеша еще и хромотал, у него почти не сгибалась правая нога. Но поскольку история была необычная, она произвела должное впечатление.

Тетя ответила: «Да-а! Вот ведь как бывает в жизни!» Я сказала ей, что она оказалась права: Алеша навлек на себя беду, и кара его все-таки настигла. Вдруг тетя сказала: «Вот что. Держи рот на замке. Не болтай про Алешу. Нужно поступить, как Бог велит: без вреда человеку. Кто знает, как отнесутся к Алеше те люди, которых он когда-то обидел? Сейчас они сильнее, положение их куда выгоднее, поэтому они, может быть, бросятся мстить. Побьют его. Или будут издеваться». Я согласилась. И мы решили, что никому не скажем, что Алеша появился в поселке. Я сообщу об этом только своему мужу.

Миша, мой муж, выслушал меня с изумлением. Он хорошо помнил, как выглядел когда-то Алеша и какой это был неслыханно дерзкий и самоуверенный человек. «Эх! – сказал Миша. – Хотел бы я на него посмотреть!» Ему даже захотелось пройтись по поселку и поискать бродяг, но я отговорила его. И правильно. На следующий день Алеша снова появился перед нашим домом, только в этот раз он был один.

Я вынесла ему хлеба и ветчины, прибавила пачку сигарет и подумала насчет денег – не дать ли немного, если у него вообще нет ни копейки. Алеша взял все это и сказал: «Можно, я переночую у вас в сарае? Только одну ночь. Мне нужно отлежаться, а тут, в поселке, негде. Разрешите... А завтра я уйду».

У Алеши очень сильно болел желудок. Боли такие сильные и резкие, словно он проглотил острое стекло. И он хотел лечь в нашем сарае и полежать. Его невероятно грязная, засаленная одежда и смрадный запах внушали отвращение. Я на мгновение подумала, что это невозможно, поскольку у нас в сарае чисто, там хранятся домашние консервы и прочее, но все же я впустила Алешу во двор. Я рассуждала уже о старой мужниной одежде для него, на замену. Пришлось преодолевать отвращение к смраду и вести Алешу в сарай. Я принесла ему брюки, свитер, носки и ботинки, а также нижнее белье и одеяло. Велела: «Переоденься». И тут же подумала, что сначала следует помыть человека в бане. Разве нет? Конечно! В этот самый момент появилась тетя. Она тоже принесла одежду для Алеши, хотя и не знала, что он у нас. И тоже предложила затопить баню. Алеша стал говорить: «Спасибо, спасибо!» Но

было видно, что ему очень плохо, очень больно. Я принесла раскладушку, постелила на нее старую простынь, и Алеша лег, прямо как был, в своем смрадном одеянии, и поджал колени к животу.

Тетя спросила: «Что тебе поможет? Может быть, горячее молоко?» Алеша не знал насчет горячего молока. Он пил его очень давно. В последнее время – только воду и спиртное. Водку старался пить почти каждый день. Она его «выручала».

Тетя пошла топить баню, а я нагрела для Алешки молока. Он взял кружку обеими руками. О, как исказилось его лицо после первого глотка! Точно раскаленное шипящее масло пролилось ему внутрь. Горло его испустило звук, похожий на скрежет. Я увидела гримасу отчаянного страдания. Алеша хотел пить молоко, а его организм отказывался, и он ничего не мог поделать. Внутри у него, сказал он, все горит огнем. Горло, легкие и желудок будто искромсали ножом. «Мне очень-очень больно», – сказал Алеша. А я сказала: «Тебе нужно в больницу! Нужно лечиться! Хочешь, вызовем «скорую»?»

Пришла тетя и стала слушать наш разговор. Наблюдая за Алешей, она сделала самое серьезное лицо, какое только я у нее видела. Наконец она строго сказала: «Что тут рассуждать? Конечно, тебе нужно в больницу. Вот сейчас вымоем тебя в бане, переоденем, накормим и отвезем к нашему доктору, Сергею Сергеевичу, он сегодня как раз на дежурстве. Он тебя устроит в палату». Тетя говорила о своем соседе, пожилом враче-хирурге Сергее Сергеевиче. Возможно, Алеша помнил его. Но он ответил, что его не примут в больницу, так как он не в состоянии удостоверить свою личность. «Ну и что? – проговорила тетя. – Мы за тебя попросим. Договоримся и заплатим. Нужно только тебя отмыть... Как только баня нагреется, сразу иди мыться».

Алеша лежал на боку, схватившись за живот. Мне очень хотелось его расспросить, где он так сильно побился. Неужели где-то перевернулся поезд? Или, быть может, рухнул башенный кран, а Алеша находился внутри, в кабине? И все же я отложила расспросы. Заговорила об обеде. После бани Алешу ждал вчерашний куриный суп, а еще мясные котлеты с картофельным пюре и пирог с яйцом и луком. Пирог принесла тетя. Алеша был невообразимо худым для своего возраста. Руки и ноги – как у моих дочерей-первоклашек. Я подумала: «Буду готовить еду теперь и для него. Пусть питается и восстанавливается».

Алеша пошел в баню. Швырнул на землю, как мы ему велили, свое немыслимое тряпье, которое мы поспешили сжечь в бочке для мусора. В бане ему стало плохо. Он выглянул в окно и сказал, что не может находиться в такой жаркой среде, у него болят раны и зудят язвы. Тогда тетя сказала: «Я сама тебя вымою теплой водой!» Она надела резиновые перчатки, взяла мягкую губку, шампунь, мыло и пошла действовать. Я хорошо знаю свою тетю, она невпечатлительная женщина, не брезгливая, потому-то и вызвалась мыть отвратительного бродягу. Но когда она управилась, на лице у нее была растерянность. «Видела я всякое в жизни, но такого – никогда!» Так она сказала о невероятно запущенном теле Алешки. Сверху до низу оно покрыто кровоточащими трещинами, паршой и язвами. «Здесь припарки не помогут, – тихо сказала тетя. – Необходимо переливание крови и усиленное питание. И продолжительное лечение».

Переодевшись, Алеша сел обедать. Накрошил в суп хлеба, хорошенько размочил его в бульоне и только тогда взялся разжевывать. Из-за распухших и кровоточащих десен твердая еда доставляла ему муку. Ел он долго, останавливаясь и выдерживая паузы – как старый, больной человек. А ведь ему не было еще и тридцати лет!

После еды Алеше стало легче. Он лег и почти с головой накрылся одеялом. «Спасибо вам большое!» – сказал он. Я поняла: этот человек уже не в состоянии испытывать удовольствие, а лишь облегчение. Там, на небесах, его зачислили в самые пропавшие неудачники, и он не знает, как выбраться. У него нет никаких обязанностей, так как он с детства от них отмахнулся. Клянчит себе пропитание или подбирает с земли. Каждый день ему нужна водка,

чтобы согреться или забыться. Никаким имуществом он не располагает, и никакие люди не могут о нем позаботиться. Никому он не нужен. Документов тоже нет, ни одной бумажки. Когда-то охваченный тягой всем показывать свое превосходство, он теперь дряннее старой и облезлой крысы, которая уже не может копошиться в мусорном баке, а только подбирает крошки возле него. Вот что сделала судьба с человеком!

Прибежали из школы мои дочки-первоклашки. Пришел на обед муж. Заглянул в сарай и подивился. Дочки тоже заглянули и стали спрашивать меня: «Что это за чудовище?» Я сказала им: «А ну, идите в дом. Я вам потому расскажу, что это за человек. А сейчас идите отсюда».

Алеша не узнавал моего мужа. А Миша, наоборот, узнал Алешу. Он был ошеломлен. Он даже не стал обедать.

Мы втроем собрались на совет. В теперешнем состоянии Алеше место было только в больнице. Все мы согласились с этим. Мы можем пригласить его в дом, хотя и не уверены, что у него нет чесотки, но что это изменит? Мы ведь не доктора. Муж сказал: «Я его сам отвезу. Я тоже знаю Сергея Сергеевича, и он не откажет мне в содействии».

В этот же день Алеша очутился в больнице. Его приняли без документов. Через несколько дней нам сообщили, что у него множество болезней, среди них имеются тяжелые: прободная язва, туберкулез, гепатит, бруцеллез и лейкемия. Невероятно! Вполне возможно, что всякий человек может заболеть сразу двумя или тремя тяжелыми болезнями, а у Алеши их было пять! Кроме того, псориаз, чесотка и паразиты. Доктора говорили, впервые в жизни видят этакое. А я подумала: «Как же можно жить в таком положении? О чем думать, если не о скором конце? Ведь это вечно наползающая тоска, от которой нет спасения!»

Он умер через три дня. Мы с тетей навещали его накануне смерти, вечером. Принесли ему топленое молоко, сметану и булочки. Присели на стулья возле его кровати. Наконец-то я могла спросить его, где он так покалечился. И он ответил: «Избили. Несколько раз, в разное время, до полусмерти». Вот как! А я-то думала, что где-то перевернулся поезд.

Наша забота, конечно, растрогала его, но на его лице ничего нельзя было увидеть кроме боли. Постоянная боль, и только. Тетя сказала: «Завтра принесу тебе икону. Ты неправильно жил, Алеша, поэтому нужно раскаяться». Он ничего не ответил. Только кивал. А когда мы уходили, он сказал: «Я спас тонущую собаку. Недавно, примерно месяц назад. Она провалилась под лед и стала тонуть, а я ее спас».

Идя по коридору, тетя сказала: «Наверное, поэтому он и увидел наконец что-то хорошее. Получил от людей помощь. Спас собаку... Правда, скольких он в детстве покалечил кошек и птиц!»

Мы не знали, что в последний раз видели Алешу живым. Ночью он скончался. Но после того, как мы с тетей ушли, у него были другие посетители. Мне показалось это странным, когда я узнала, кто именно приходил к Алеше. Ведь мы никому ничего не сказали, ни слова, ни полсловечка. И все же к Алеше явились двое наших местных жителей и стали ему угрожать. «Значит, ты Алеша Н.? – злобно пыхтели они. – Помнишь нас, сволочь? Или забыл? Ну ничего, мы тебе напомним. Несмотря на то, что теперь ты урод, мы свое возьмем, не забудем. А как же? Довольно ты над нами, гадина, в детстве издевался! Пришло время должок платить! Как только выпишешься из больницы, мы тебя встретим... Получишь свое, мерзавец!»

Вероятно, Алеша принял свое поражение и потерял надежду. Так сказала тетя, когда нам сообщили о его смерти и о двух разъяренных посетителях.

Вот как сложилась жизнь у этого злого человека».

* * *

Светлана Пи-кова, 1956 года рождения: «В нашем поселке я работала в конторе лесного хозяйства, в отделе труда и заработной платы. В небольшой комнате стояли три канцелярских стола, и мы, три женщины, весь рабочий день сидели за этими столами, писали, принимали посетителей. Кому-то давали устные разъяснения, а кто-то приходил и требовал официальную справку. Работали мы хорошо. Работу свою любили. Каждый год на общем собрании нам вручали грамоту за успешный труд, выплачивали квартальную премию. Но чаще нас хвалили простым словом: «Молодцы!» Это было очень приятно.

Я жила с мамой и копила деньги на свадьбу, потому что я была незамужняя, несмотря на возраст. Мне было уже двадцать семь лет, а подходящего мужчины я так и не встретила. Иногда я впадала в отчаянье, а иной раз мне не хотелось жить. Но однажды я почувствовала, что вот-вот в моей жизни произойдут счастливые перемены, пройдет еще немного времени, и я повстречаю хорошего человека, который и станет моим мужем. И повстречала! Но об этом я расскажу после.

Рядом с нашей конторой находилась еще одна контора, хозяйственная, там были диспетчерская и склад, и там тоже работали женщины. Среди них Татьяна К., бойкая и вредная селянка, горлопанка, то есть говорливая и крикливая. Каждый день мы слышали ее голос. Даже в холодное время через форточку до нас доносились ее некрасивый смех и крики. Она кричала знакомым шоферам, трактористам, лесорубам, заготовителям, инженерам и прочим – окликала всех, кто проходил мимо, и, казалось, что все люди до единого ей знакомы. Многие эту женщину побаивались. Одни избегали ее избыточного, почти мужского темперамента, а другие боялись попасть в неловкое положение из-за ее грубой прямолинейности, из-за дерзкой привычки задавать очень личные вопросы.

Увидев меня, она могла закричать: «Что, пошла женихов искать? Думаешь, сегодня повезет?» Это, конечно, было очень неприятно. Не только потому, что на меня оглядывались посторонние люди, а потому что в мою жизнь грубо вмешивались. По какому праву?

Странно, что такие люди, как Татьяна К., находят удовольствие в том, чтобы унижать других. Я думаю, что в каждом из них сидит бес, который поначалу ограждает их от неприятностей. От нахальства и невоспитанности Татьяны К. страдали даже крепкие мужчины, но никто не мог положить этому конец.

У нее было уже три гражданских мужа, и все они в свое время сбежали кто куда. Никто из них не хотел себе такой ужасной жены. Она могла громко обзывать мужчину «дураком» у всех на виду и в каком угодно месте. Опозорить человека для нее было так же просто, как почесать нос. А когда мужчины отвечали на ее грубость такой же грубостью, она приходила в ярость и становилась бешеная.

Ее последнего гражданского мужа звали Валерий. Он работал водителем тягача. Уж не знаю, как он сошелся с такой сложной по характеру дамой, но какое-то время всем казалось, что у этой парочки самые настоящие сердечные отношения.

Они прожили вместе около двух месяцев. А потом, после очень некрасивого случая, Валерий собрал свои вещи и ушел.

А вышло вот что. Однажды в продовольственном магазине они устроили мелкий спор насчет того, нужно ли им покупать подсолнечное масло. Татьяна К. уверяла Валерия, что масла в их доме достаточно. Если оно закончилось в бутылке, это не значит, что его нет вообще. Банка с маслом стоит в кладовой. Но Валерий все равно купил масло. Видимо, ему так захотелось. И Татьяна К. громко и при всех назвала Валерия «ослом». «Осел! – выкрикнула она. – Твое место в ослином стойле!» Валерий на это ответил просто: «Дура!» И тогда Татьяна точно взбесилась. Выхватила из сумки бутылку с маслом, откупорила ее и плеснула

своему мужчине маслом в лицо. А потом еще швырнула бутылку ему под ноги. Валерий обиделся и ушел. Бросил Татьяну К. в магазине, а она закричала ему вслед: «Ишь ты! Обиделся! Побежал! Смотри, не споткнись, а то пломбы из зубов выскочат!»

После этого она осталась одна и сделалась еще злее. Орала еще громче, а выражалась грубее. Хоть бы раз она подумала о своей невоспитанности! И хоть бы раз задумалась о своем ничтожестве! Но нет. Все, кто надеялись на это, просчитались.

Когда такие люди находятся рядом, кажется, что пронизывает холод: до того становится неуютно и нехорошо. Каждый раз, когда Татьяна К. приближалась ко мне, на меня нападала мелкая дрожь. Да еще путались мысли. Очень неприятное ощущение. А после разговора с ней чувствовались тяжесть и усталость.

Я хотела бы знать, каким ребенком была эта женщина. Ведь она была когда-то маленькой девочкой, крошкой, мечтала об играх и сладостях. Я никогда не встречала злых детей, но злые люди, наверное, с малых лет злые. Ведь не могла же Татьяна К. растерять всю свою доброту. Наверное, она росла недоброй, а со временем укрепились в своей злобе. И все от нее страдали.

Я пострадала от Татьяны К. самым коварным образом. И я, и мой муж.

В двадцать восемь лет я вышла замуж и радовалась долгожданному повороту в моей судьбе. Мой муж оказался хорошим человеком. Однако не все было безоблачно. Нашу семью стала преследовать одна неприятность, со стороны знакомого моего мужа. Вернее сказать, этот знакомый и был той самой неприятностью, преследовавшей нас. Странная и дурная личность.

Он появился в нашем поселке через три месяца после того, как в поселок приехал на жительство мой будущий муж, Степан. Степа приехал работать водителем самосвала, холостой, приятной наружности застенчивый мужчина. Ему было всего двадцать четыре года, но я все равно решилась и сама позвала его сходить в кино и в кафе, и он согласился. Я думала: «Пусть он моложе, ну и что? Выгляди́м-то мы как ровесники. Кому придет в голову спрашивать нас о возрасте?» И нам повезло: никто и не догадывался, что я старше.

Мы понравились друг другу, поженились. Свадьбу устроили скромную, пришли всего семь человек. И хорошо. Мама сказала: «Чем скромнее начало, тем богаче жизнь!» Это была мудрость, которая и успокаивает, и укрепляет. В жизни нужно всегда держаться такой мудрости.

Когда мы со Степаном справляли свадьбу, Татьяна К. находилась в отъезде. То есть мне повезло и в этом. Когда она вернулась, мы уже отгуляли на свадебном вечере.

Конечно, она злилась, что ее не позвали. Такие люди всегда злятся, воображая себе, что все должно быть по их желанию. Татьяна К. хотела посидеть с нами за одним столом и выпить вина, но я думаю, ей неважно, за чей стол ее приглашают. Ей просто нравилось внимание к своей персоне. А невнимание раздражало. Поэтому, узнав о моей свадьбе, она зло пошутила: «Иди и разведись со своим шофером, а потом снова поженитесь! Чтобы я погуляла на свадьбе!»

Как мне было хорошо ходить с мужем под руку! Я мечтала об этом, и мечта сбылась. Мы уходили из дому вместе, вместе возвращались. Мне попался человек скромный и доброжелательный, готовый услужить. Ссоры и конфликты противоречили его натуре, и меня такие люди привлекают. Пусть их называют тихонями, но ведь кому-то они нравятся. Как раз мне. И я с радостью говорила мужу: «Ты мой тихоня!»

Все складывалось хорошо, пока в поселке не появился Станислав. Пять лет назад они со Степаном сдружились, когда солдатами служили в одном автомобильном батальоне. После службы разъехались, но оказалось, что ненадолго. Степа вернулся в свой город и устроился работать в автоколонну, и вдруг через полгода там же появился Станислав. При-

шел и говорит: «Здорово, приятель! Вот, приехал, буду жить и работать там, где ты. И жену привез. Я, представь себе, успел жениться».

Еще ничто не говорило Степану о том, что иметь дело со Станиславом нежелательно. В армейском подразделении это был обычный человек, как все. А в гражданской жизни он оказался редким прилипалой. Похитителем личного времени. Жестоким эгоистом. В солдатской казарме он любил порассуждать насчет того, как важно иметь в жизни закадычного друга. Что ж, многие держались этой истины. Но никто не знал, как этот Станислав представляет себе дружеские отношения.

На первый взгляд его рассуждения были вполне безобидны: «Вот было бы хорошо и работать вместе, и после работы заниматься одним общим делом – например, вручную собирать в гараже автомобиль-вездеход...»

Вроде бы ничего странного – собирать в гараже какую-нибудь машину. Но Станислав видел это по-своему. Он мечтал, чтобы работа в гараже протекала ежедневно, еженедельно, ежемесячно. Круглый год. Чтобы два закадычных друга не расставались ни на один день. Только на ночь они идут к своим женам, а утром – на работу. После работы – сразу в гараж, возиться с машиной, болтать о том о сем, немного выпивать и закусывать.

Станислав был человек-клеш. Раньше я таких типов не встречала. Он испытывал потребность в кого-нибудь вцепиться и не отпускать от себя. Все делать вместе. Вместе ходить по улице, вместе обедать. Впечатление такое, что вся жизнь должна свестись к одному – к дружбе.

Поначалу я не могла четко определить цель этого человека. Лишь столкнувшись с его тактикой, я поняла, что ему нужно. Ему нужно было видеть ежедневную, ежеминутную преданность своего товарища. Только это доставляло ему настоящее удовольствие. Кому-то из мужчин нравится быстрая езда, кто-то любит природу, например, утреннюю гладь реки, кто-то поклонник хорошей бани, а кто-то пельменей по-сибирски, а Станислав на все это махнул бы рукой. Для него это глупости.

Сидеть весь день в гараже со своим закадычным другом, перебирать, переключать места на место детали автомобиля-вездехода, разговаривать об одном и том же, покуривать, выпивать, улыбаться и похлопывать друг друга по плечу – вот что самое лучшее для Станислава в его жизни.

Видимо, когда-то в детстве, сидя на ковре с каким-нибудь соседским пареньком, среди солдатиков, кубиков, деревянных грузовиков и прочих игрушек, Станислав испытал небывалое наслаждение. Но ему нравилось не играть. К возне с игрушками он был равнодушен. Ему нравилось видеть, что соседский паренек отдает ему свое время и следует его указаниям. Оба они веселились, смеялись, но один из них внимательно наблюдал за другим. Это был Станислав. Вероятно, уже в раннем возрасте он уяснил для себя, что хочет владеть другим человеком.

Соседский паренек из детства Станислава был, скорее всего, тихоней. И Станислав это запомнил. С тех пор он знал, кто ему нужен: простой, тихий, неконфликтный человек, не стремящийся добиваться особого успеха в жизни.

Когда Станислав повстречал моего Степана, он сразу подумал, что это подходящая кандидатура в его «закадычные друзья». Все время, пока они служили в автомобильном батальоне, Станислав к нему присматривался. А после службы он поехал в родной город Степана, нашел Степу и «вцепился» в него.

Вот что об этом рассказал Степан: «Станислав устроился на работу в нашу автоколонну и в первый же день пригласил меня после работы выпить пива. Мы пошли к павильону, выпили по кружке. После этого он говорит: «А теперь пойдем к гаражам, я тебе покажу нашу «конструкторскую лабораторию». В ней мы будем собирать автомобиль-вездеход. Как

соберем, пошлем на авто-выставку. Прославимся! Или будем на охоту-рыбалку ездить. Или по грибы-ягоды. Красота!»

Мы пошли к гаражам. Там, в одном из них, был старый разобранный автомобиль. У одной стены – длинная лавка. У другой – небольшой стол. Мы сели на лавку. Станислав стал потирать колени и говорить: «Эх, замечательно! Будем приходить сюда после работы и заниматься делом... Верно? Соберем чудо-машину. А что? Самое что ни на есть мужское занятие. Ведь мы и шоферы, и автомеханики, оба любим технику. Я этот гараж нарочно снял у владельца, чтобы нам было где развернуться. И вот увидишь, развернемся! Начнем прямо с этой минуты...» Он достал спецовку, инструменты, и мы стали брать в руки детали разобранного автомобиля и оценивать их состояние. Станислав давал указания: «Дай-ка, приятель, мне вон ту штуку. Так, хорошо... А теперь подай вон ту. Так-с, эти детали не годятся, придется изготавливать новые. Что ж, изготовим. Завтра поедем в слесарные мастерские, потолкуем со слесарями. Верно? А теперь поглядим на чертежи...» И он достал автомобильный журнал и показал мне снимок машины-вездехода, напечатанный на развороте. Вот, сказал он, какую штуку мы будем делать. До вечера мы обсуждали наши планы, хвалили машину-вездеход, потом выпили водки и закусили домашней едой. На следующий день встретились в гараже автоколонны. После работы пошли в «конструкторскую лабораторию». Снова полистали журнал, поговорили о машине-вездеходе, потом о других машинах и прогрессе в этой области, затем начали составлять список деталей, которые нужно заново изготовить. На том вечер и закончился. Мы снова немного выпили водки и разошлись.

Назавтра все повторилось. Только в этот раз Станислав начал с того, что назвал нас настоящими мужчинами, а наше дело настоящим мужским делом. Сказал, что мы вправе собой гордиться. Мы живем, как следует жить мужчинам. Другие бесцельно шляются по улицам или просиживают в пивных, или торчат дома «под боком» у своих жен, мешая им заниматься хозяйством, и это глупые и слабые люди. А мы умные и сильные. Мы заняты настоящей мужской работой. Собираем чудо-машину. Ну разве это не хорошо?...

С этого дня Станислав стал произносить что-то подобное чуть ли не каждый вечер. Я полагал, что он настраивает меня на труд, и вначале приветствовал эти речи. Но оказалось, что труд здесь ни при чем. Мы приходим в гараж не для работы. Мы возимся с машиной-вездеходом не ради этой чудо-машины. Ничуть. Мы торчим в гараже или ходим по округе, отыскивая выброшенный автомобильный хлам, просто так, чтобы провести время. Когда мы приходим в гараж, мы не сразу занимаемся работой. Сначала садимся в кресла, закуриваем, вспоминаем прошедший день, потом нахваливаем наше «настоящее мужское дело», затем обсуждаем какие-нибудь автомобили, листаем журналы по технике, мечтаем, фантазируем, слушаем музыку по радиоприемнику, затем в который раз осматриваем разобранную машину и даем ей оценку. Бывает, что на это уходит весь вечер. Мы немного выпиваем и идем по домам. А в выходные дни мы пропадем в гараже с утра до вечера. Перебираем детали. Чистим их, моем бензином. Иногда идем в пивную или в кино. Или на футбольный матч. Но всегда вместе. Станислав командует, распоряжается, правда, делая это не командирским тоном, а дружеским, с улыбкой, всегда спрашивая: «Верно?» Наконец я понял, что нужно этому Станиславу. Ему нужен друг, товарищ – только и всего-то. Он не может находиться один. Жена ему не друг, а лишь женщина. Он нашел во мне закадычного друга. Его устраивает мой спокойный, покладистый характер. Он рад, улыбается. Иногда смеется. А мне не до смеха. Мне такая жизнь не нравится. Я хочу жениться, завести детей, хочу проводить время по своему усмотрению. Но я вижу, что Станислав вцепился в меня, как клещ. Как-то раз я сказал, что не пойду в гараж, а хочу побыть дома. Станислав был разочарован, огорчен. Неожиданно он сказал: «Нет, так нельзя! Ведь у нас есть дело. Кто будет им заниматься?» И все же я не пошел за ним, а отправился домой. И что же? Он поплелся за мной и весь вечер просидел на лестнице возле моей квартиры. Иногда стучал в дверь, просил вынести

ему воды. Он давал мне понять, что я не могу действовать самостоятельно, что если я захочу остаться один, я должен спросить у него разрешения, и он подумает насчет этого. Иначе это оскорбляет нашу дружбу. Но что такое эта наша дружба? Я не видел в ней ничего стоящего, ничего полезного. Торчать в гараже, листать журналы, разговаривать, курить, выпивать, переключать с места на место инструменты и детали, слоняться по свалкам и оврагам, отыскивая испорченные автомобильные приборы, рамы и карбюраторы, и так семь дней в неделю – это сущая ерунда, глупость, а не дружба. Это надоест всякому нормальному человеку. Но Станислав не желал слышать об этом. Он оказался болезненно навязчивым, с маниакальной привычкой всегда быть рядом со своим «закадычным другом», да еще с идиотской теорией насчет «настоящей дружбы». Поэтому я решил уехать из родного города. Но сделать это я задумал так, чтобы Станислав не отправился за мной. Я обманул его. Сказал, что еду в одно место, а в действительности поехал в другое. Хотя стоило мне объявить об отъезде, как Станислав невероятно огорчился и затянул странный разговор. Вот что он сказал: «Это что же такое? Это же предательство, коварство... Причем женское! Мужчины так не поступают... Мужчины так никогда не делают... Что это за слабость такая? Это разве годится для нас? Это только бабы могут предать, бросить, а мы, мужчины, не предаем дружбу... Мы не предаем наше общее дело, верно? Разве сильные люди бегают друг от друга?»

Я сказал ему, что хочу заработать побольше денег и жениться, поэтому уезжаю туда, где за шоферский труд больше платят. Станислав тут же сказал, что поедет вслед за мной. Приедет через две недели. Я подумал: «Пусть едет! Ведь в городе, который я ему назвал, меня никогда не будет». Около года я торчал с ним в гараже, а теперь готов лет пятьдесят-шестьдесят не видеть этого человека. Он из породы зануд и прилипал, а мне такие личности не по душе. И вот я уехал и поселился на севере, в хорошем, на мой взгляд, месте. В городе много молодежи, люди открыты и приветливы. Но лишь полгода я жил свободно, в свое удовольствие, а потом, в один самый обычный день, увидел перед собой Станислава. Он разыскал меня и снова вцепился, как клещ. Но прежде мне пришлось выслушать тысячу упреков. Станислав был не просто недоволен моим обманом и бегством, он был взбешен. Все выглядело так, будто я бросил его, раненого, на дне каньона, смылся, прихватив припасы и снаряжение. До этого меня еще никто не называл предателем. Но что я предал? Станислав твердил, как заведенная кукла, что я предал дружбу. Он кричал, брызгал слюной. Мне это было очень неприятно. Но затем Станислав смягчился и даже заулыбался. «Ну ничего, – сказал он. – Если тебе нравится этот город, будем жить здесь. Ведь и тут можно заниматься нашим делом, верно? Найдем подходящий гараж и начнем собирать машину-вездеход... И все наладится. Верно? Ведь мы же настоящие мужчины... Нам никак нельзя бросать наше мужское занятие. Нужно наверстать упущенное!» Вот тогда я подумал, что передо мной ненормальный, психически нездоровый человек. Что толку просить его оставить меня в покое? От него нужно убежать. И я снова стал размышлять, как обмануть этого Станислава, бросить его и исчезнуть из города. Однако чтобы осуществить задуманное, мне понадобилось два месяца. Все это время я торчал со Станиславом в гараже и «собирал чудо-машину». Все было по-прежнему: мы сидели в креслах, курили, листали журналы, фантазировали о технике будущего, мечтали, вспоминали армейскую службу, слушали музыку по радиоприемнику, переключали с места на место инструменты и детали, немного выпивали, закусывали и шли домой. Это повторялось каждый день, не исключая выходных.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.